

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ТГУ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВОСТОК И ЗАПАД ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**Материалы международной молодежной научной конференции
28–29 августа 2013 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2013

**ИСТОРИЯ СЛОВА *ОБРАЗЕЦ* КАК ЭЛЕМЕНТА
ЛСП 'НОРМА' В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
HISTORY OF A NOUN *ОБРАЗЕЦ* AS AN ELEMENT
OF LEXICO-SEMANTIC FIELD 'NORM'
IN SLAVIC LANGUAGES**

Г.Ю. Веснина

Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Представлена история слова «образец» и рассмотрен его статус в лексико-семантическом поле 'норма' в русском языке. Выявлена также модель его семантического развития и проведено сравнение этой модели с моделями развития значения 'образец; то, чему надо соответствовать' у лексем в других славянских языках.

В современном ЛСП 'норма' в русском языке лексема *образец* занимает околядерную позицию. В её семантике сочетаются физическое и абстрактное соответствие норме: «предмет, по которому можно судить о других подобных предметах, по которому изготавливаются подобные предметы» и «наглядный пример, которому нужно следовать, подражать, соответствовать» («способ, вид, форма») [17, т. 2, с. 560].

Однако история языка показывает, что данная лексема вошла в ЛСП 'норма' и в русский язык вообще сравнительно недавно. Впервые слово *образец* было зафиксировано в значении 'изображение, знак' в XV в. Затем фиксируются производные от него метонимические значения – 'нашивка, бляха, медальон для украшения одежды', 'модель, макет; литейная форма' – в XVI–XVII вв. Именно значения 'предмет для подражания; часть вещества, по которой можно составить представление о целом', 'способ, вид', 'пример, прецедент' являются характерными для ЛСП 'норма' – и они фиксируются позднее, с конца XVI – начала XVII в. [18, вып. 12, с. 135–136].

Почему же в значениях, характерных для ЛСП 'норма', данная лексема начинает встречаться в письменных источниках именно с XV в.? Ответом на этот вопрос может послужить её словообразовательная структура: *образ* + -ец- (<*ьц-) → *образец*. Если учитывать характерный процесс утраты уменьшительного значения суффиксальных образований с суф. -ьц- [2, с. 27], то можно предположить, что лексема *образец* спустя недолгое время

после вхождения в русский лексикон «перетянула» на себя часть значений производящей лексемы *образ*.

В самом деле, если рассматривать семантическую структуру производящей лексемы, то оказывается, что именно она первоначально входила в ЛСП 'норма' в значениях 'подобие, образец; прообраз, прототип, пример' (с XI в.), 'род, разновидность, форма' (XII в.), 'способ, образ действия' (с XII в.) [18, вып. 12, с. 133–135]. А абстрактные значения самой лексемы *образ*, по свидетельству Брюкнера и за ним О.Н. Трубочёва, выводятся из её первого, конкретного, значения: 'вырезанная в дереве / высеченная из камня фигура' [1, с. 371–372; 23, вып. 29, с. 63–66].

Итак, семантическая модель развития значений слова *образец*, входящих в ЛСП 'норма', может быть представлена в двух вариантах (для вещественного и для абстрактного ЛСВ):

а) 'вырезанная в дереве / высеченная из камня фигура' → → 'вид, образ, знак' → 'подобие, прообраз, прототип' → 'предмет, служащий прототипом для других предметов; наглядный пример';

б) 'вырезанная в дереве / высеченная из камня фигура' → → 'вид, образ, знак' → 'подобие, прообраз, прототип' → 'способ, образ действия (которому нужно следовать)'.

Уникальное ли это развитие семантики для русского языка или же в родственных славянских языках можно найти параллели? Рассмотрим сначала восточнославянские языки. В украинском языке значение 'образец, пример' передают слова *зразок, взірець, взір*. Точного формального соответствия ни в современном, ни в староукраинском языке не находим [5, с. 815; 20, т. 2, 70; 15, т. 2, с. 248]. В белорусском языке значение 'образец, пример' передают слова *ўзор* и *прыклад*, точного формального соответствия опять же не находим [11, т. 2, с. 297; 3, с. 34].

В западнославянских языках производные с суффиксом -ес-, формально совпадающие с лексемой *образец*, имеются, но не развивают значений 'образец, пример'. В чешском языке лексема *obrazec* фиксируется в значении 'схема, геометрическая фигура' с XVI в. и по сей день [19, т. 2, с. 487; 21, т. 1, с. 497]. В словацком лексема *obrazec* так же, как и в чешском, имеет значение 'схема, чертёж; фигура' [9, с. 262]. В польском языке не фиксируется лексема, полностью схожая по форме с русской, а суффикс -ек- в лексеме *obrazek* 'картинка, сценка, вид' является фонетическим соответствием русского -ок- [6, т. 1, с. 571]. Само же значение

‘образец, пример’ передаётся в польском лексемами *wzór, wzorzec, przykład, modla* [13, с. 430], в чешском – *vzor, příklad* [8, с. 418], в словацком – *vzor, príklad* [14, с. 327].

Больше всего формальных сходств находим в южнославянских языках: в македонском языке лексема *образец* передаёт значение ‘образец’ [10, с. 320], однако судя по данным русско-македонского словаря, изданного позднее, это устаревшая лексема, возможно, заимствование – в конце XX в. в значении ‘образец, пример’ фиксируются только лексемы *пример, модел* [12, с. 441], в болгарском языке лексема *образец* передаёт только абстрактное значение ‘образец, нравственная норма’, а физическое соответствие норме передаётся лексемами *мостра, модел* [22, с. 444]. В сербском языке у лексемы *образац* наблюдается семантика, сходная с данными западнославянских языков: ‘образец, модель, формуляр, схема, формула’, кроме того, значение ‘образец, пример’ передаёт ещё и лексема *узорак* [16, с. 505; 7, с. 353].

При сравнении истории развития значений вышеприведённых лексем обнаруживаем, что семантическая модель для укр. *зразок*, серб. *образац* – та же, что и для русского *образец*, т.е. ‘вырезанная в дереве / высеченная из камня фигура’ → ‘вид, образ, знак’ → ‘подобие, прообраз, прототип’ → ‘способ, образ действия (которому нужно следовать)’ [1, с. 371–372; 23, вып. 29, с. 63–66]. К этой же модели можно отнести и развитие значений польской лексемы *modla* (первично – ‘молитва’, ‘идол, которому молятся’, затем ‘образец’), поскольку фигуры вырезались из дерева или высекались из камня славянами прежде всего для сакральных целей.

Семантическая модель для группы лексем, восходящих к праслав. корню **zer-* / **zor-*: укр. *взірець, взір*, блр. *ўзор*, пол. *wzór*, серб. *узорак*, чеш., слвц. *vzor* – будет отчасти совпадать с вышеприведённой: ‘то, что видно’ → ‘вид, образ, знак’ → → ‘подобие, прообраз, прототип’ → ‘предмет, служащий прототипом, прообразом / способ, образ действия (которому нужно следовать)’.

Лексемы блр. *прыклад* (заимствование из польск. – см. 23, с. 92), польск. *przykład*, чеш. *příklad*, слвц. *příklad*, макед. *пример* – так же, как и группа лексем с корнем *-zer-/zor-*, этимологически прозрачны, семантическую модель для них можно выявить следующую: ‘прикладывать, примерять’ → ‘то, к чему прикладывают что-либо для сравнения; то, с чем соизмеряют’ →

→ ‘прототип, прообраз’ → ‘предмет, служащий прототипом, прообразом’.

Что касается лексем болг. *модел* и *мостра* – то это заимствования из латинского, первое – через итальянский, французский и русский языки (лат. *modus* ‘мера; образ, способ; правило’ → позднелат. *modellus* → ит. *modello* ‘модель, образец; пример для подражания’ → фр. *modèle* ‘то же’, рус. *модель* → болг. *модел*), второе – через итальянский (лат. *monstrare* ‘показывать’ → → ит. *mostrare* ‘то же’ → ит. *mostra* ‘выставка; показ, парад; осмотр; вид, образец’ → болг. *мостра*) [4, с. 200, 255–256]. Таким образом, болг. *модел* по семантическому развитию сходна с лексемами блр. *прыклад*, польск. *przyklad*, чеш. *příklad*, словц. *příklad*, макед. *пример*, а *мостра* – с лексемами укр. *взірець*, *взір*, блр. *ўзор*, пол. *wzór*, серб. *узорак*, чеш., словц. *vzor*.

Итак, мы убедились в том, что развитие семантики лексемы *образец* в русском языке вписывается в модели, действующие и в других славянских языках. Кроме того, всего в славянских языках было выявлено 3 семантических модели для развития значения ‘предмет, служащий примером для подражания; способ, образ действия (которому нужно следовать)’:

1) ‘вырезанная в дереве / высеченная из камня фигура’ → → ‘вид, образ, знак’ → ‘подобие, прообраз, прототип’ → ‘предмет, служащий прототипом для других предметов; наглядный пример’ / ‘способ, образ действия (которому нужно следовать)’

2) ‘то, что видно’ → ‘вид, образ, знак’ → ‘подобие, прообраз, прототип’ → ‘предмет, служащий прототипом, прообразом / способ, образ действия (которому нужно следовать)’

3) ‘прикладывать, примерять’ → ‘то, к чему прикладывают что-либо для сравнения; то, с чем соизмеряют’ → ‘прототип, прообраз’ → ‘предмет, служащий прототипом, прообразом’.

Литература

1. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.

2. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / отв. ред. Р.И. Аванесов, В.В. Иванов. М.: Наука, 1984.

3. *Белорусско-русский словарь* / под ред. К.К. Крапивы. М., 1962.

4. *Български етимологичен речник* / ред. В.И. Георгиев, И. Дуриданов. София: Академично изд-во “Проф. Марин Дринов”, 1995. Т. 4.

5. *Великий* тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ “Перун”, 2005.
6. *Гессен Д., Ступула Р.* Большой польско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Варшава: Ведза Повпехна, 1980. Т. 1–2.
7. *Иванович С., Петранович И.* Русско-сербохорватский словарь: 40000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1976.
8. *Йозеф Влчек.* Русско-чешский словарь = Rusko-český slovník: 40 000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1974.
9. *Коллар Д. и др.* Словацко-русский словарь = Slovensko-ruský slovník: Около 45000 слов. М.: Русский язык, Братислава: Словацкое пед. изд-во, 1976.
10. *Македонско-русский словарь* / сост. Д.И. Толовски, В.М. Илич-Свитыч. М.: ГИС, 1983.
11. *Русско-белорусский словарь*: в 3 т.: Около 110000 слов / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. И.Я. Коласа. Минск: БелЭн, 2002.
12. *Русско-македонский словарь* = Руско-македонски речник / Нина Чундева, Марија Најчевска-Сидоровска, Спирос Накев. Скопье, 1997.
13. *Русско-польский словарь* / под ред. И.Х. Дворецкого. М.: Советская энциклопедия, 1964.
14. *Русско-словацкий словарь*: Около 50 000 / В. Доротьякова, М. Филкусова, Д. Коллар и др. М.: Рус. яз.; Братислава: Словацкое пед. изд-во, 1989.
15. *Русско-украинский словарь* / гл. ред. И.И. Белодед. 2-е изд., испр. Киев: Укр. сов. энцикл., 1982–1983. Т. 1–3.
16. *Сербско-хорватско-русский словарь*: около 50 000 слов / сост. Н.И. Толстой. М.: ГИС, 1957.
17. *Словарь русского языка* / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русск. яз., 1981–1984. Т. 1–4.
18. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
19. *Словарь старославянского языка*: в 4 т. Репринт. с изд. Чешской академии наук (1966–1997). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
20. *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: у 2 т.* Київ: Наукова думка, 1977–1978. Т. 1–2.
21. *Чешско-русский словарь* = Česko-ruský slovník / под ред. Л.В. Копецкого и Й. Филиппа. М.: Русский язык. Praha: Stat. ped. nakl., 1976. Т. 1–2.
22. *Чукалов С.К.* Русско-болгарский словарь: 50 000 слов. 6-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1981.
23. *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–2005. Вып. 1–32.
24. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Акадэмія навук БССР (Беларусі) / Ред. Г.А. Цыхун. Минск, 1978. Т. 10 (Минск, 2005: Прасніца – Пяпяць).